

3 АКОНЧИЛСЯ театральный сезон. Он отмечен существенными и облагораживающими переменами в жизни Владимирского драматического театра. Раньше писали о слабости репертуара, о его суженности, о легковесности некоторых постановок. Теперь очевидно, что, несмотря на отдаленные просчеты, репертуар стал серьезней и значительней.

Причем сразу же важно обозначить новую черту в его формировании. «Дом Бернарды Альбы» Гарсиа Лорки, «Королевский брадобрей» А. Луначарского, «Каса-маре» И. Друце и, наконец, «Старик» М. Горького — все эти вещи, очень далекие друг от друга по темам, времени, национальной принадлежности, и тем не менее выбор их, конечно, не случаен. Здесь явно просвечивается новая обдуманная линия театра. Главный режиссер Р. Нагорничных стремится к драматургии, пропитанной большим философским и нравственным содержанием.

Невольно сопоставляя такое направление режиссуры с пестротой афиш прошлых лет, когда трудно было отыскать вообще какую-либо линию, с удовлетворением говоришь о творческом росте театра. И ясно, что он немыслим без совершенствования режиссера и актера. Последнее становится особенно наглядным, когда театр ставит пьесу не слишком сильную.

Скажем, слабость драмы Л. Шейни на «Тяжкое обвинение» несомненна. Замысел ее, по чеховскому выражению, торчит, как палка из сита. Сразу понятно, что директор завода Логинов не виновен — и думать зрителю не над чем. Но весь сюжет построен все-таки на канительном разбирательстве его дела. И невиновность его выявляется не в развитии действия, а просто обнаруживается в вопросах и ответах персонажей, то есть в юридическом дознании. Но любопытно другое: пьеса плохая, а актеры играют хорошо.

Заслуженному артисту РСФСР Д. Лосику буквально нечего играть: его Логинов обречен на бездействие. Но уже сам выход актера говорит о характере его героя. Очень скупое решение этого образа и очень убедительно. Страстную коммунистку Горячеву сыграла заслуженная артистка РСФСР А. Бокова. Нам не представляется недостаточной и трактовка роли секретаря ЦК заслуженным артистом РСФСР А. Белокрыкиным. Он очень весом своим умом и бескомпромиссным гуманизмом. Интересны Р. Челищев — молодой следователь, И. Компанец — доносчик, заслуженный артист РСФСР И. Туйметов — кладбищенский сторож. В общем,

игра актеров как бы компенсировала недочеты пьесы.

Другой пример — «Чрезвычайный посол». Это вещь несколько более содержательная. Но и она не лишена заметных недостатков. Она хроникальна. В ней роль советской дипломатки Кольцовой дается облегченно, в перечне одержанных побед. Но спектакль вдруг прозвучал неожиданно звонко. Если сравнить его с постановкой в Горьковском театре, то увидишь, что режиссерское решение Р. Нагорничных во Владимире верней. Там спектакль выглядит чересчур камерным. Здесь он шире, динамичнее.

Темпераменту спектакля, его масштабности в высокой степени способствовал образ Кольцовой созданный заслуженной артисткой РСФСР О. Денисовой. Ее нарочито торже-

Островского. И поэтому же так отвратителен его антипод — старик. Старик Н. Теньгасе страшен. Он опасен своей неутолимой жадностью истребления всего живого (не без материальной пользы для себя, однако). И оттого жаль семьи, разрушенной стариком. В противоборстве этих двух определяющих образов, выраженных актерски сильно, и возникает все драматическое напряжение, варажается весь смысл спектакля.

А если теперь перекинуться в Испанию периода зарождения фашизма, то и в «Доме Бернарды» можно увидеть нечто подобное. Здесь обыкновенный жилой дом деспотической волей Бернарды превращен, по сути, в тюрьму строгого режима, где заключены пять девушек. Из-за свирепой ханжеской морали и корысти ради мать обрекает

Театр (режиссер В. Григорьев) показал столкновение крупных образов на исторически достоверном фоне, опасность самовластия для общества и его обреченность.

Несколько особняком от названной общей программы театра, казалось бы, стоит «Каса-маре». Однако полагать (как это делали некоторые критики), что любовно-сентиментальная тема — это и есть цель спектакля, — чистейшее заблуждение. А. Бокова — постановщик и исполнитель главной роли Василицы, решает проблему борьбы человека за счастье. Человек в сомнениях мучительно ищет, ошибается. Но если он мужествен и честен, он находит свое истинное место в обществе. Итак, этот поэтический спектакль все о тех же волнующих

и на каменщике из «Старика». Это не большая роль. Но Плешунов сделал этого каменщика удивительно русским, таким дореволюционным мастеровым. Когда Харитонов говорит, что русскую землю «и купец грабит, и чиновник, и всяк живой человек, а Россия живет, слава те, господи!», то невольно представляешь этого каменщика с его мягкостью и незлобностью, детской доверчивостью и железной выносливостью. Он не показан в работе, но почему-то чувствуешь, что он в деле большой мастак. Каменщик живописен.

Размышляя о таких работах, где актер выступает в неожиданно новом качестве, хочется обратить внимание режиссуры на вопрос о разных направлениях в творчестве актера. Всегда ли угаданы возможности актера в неприглядном амплуа? Скажем, артист В. Лясколо оказался сильнее в «характерной» забавной роли купчины Харитоновой, чем в «строгих» ролях.

Среди молодых артистов были особенно удачны работы у Л. Жарковой, И. Высоцкой, В. Смольникова. Большое впечатление оставил образ Доротеи, созданный И. Маришиной в «Королевском брадобрее». Эта роль исполнена точно и вдохновенно. Думается, что возможности актрисы еще не полностью учтены театром.

Таким образом, в активе театра немало хорошего. Но еще рано бить в литавры. Перед театром стоит не легкая серия нерешенных задач. Важнейшие из них — проблемы современности. Еще мало ставится современных пьес. Нам нужно говорить о сегодняшнем дне, о том, что волнует общество. Историко-революционное и классическое наследие может быть лишь частью общей программы театра.

Немаловажен вопрос и о самом методе актерской игры. Слишком часто она находит излишне внешнее выражение. Нужно ли все чувства непременно выплескивать наружу? Правильно говорят: кто во гневе кричит — смешон, а кто молчит — страшен. Недостаток вкуса, чувства меры приводит порой к явным излишествам. Это переигрывание, трюкачество, шутовство можно увидеть и в «Старике», и в «Бернарде» (драка сестер), и в «Тяжком обвинении».

Театр работает упорно. Он не стоит на месте. Он ищет. И мы полагаем, что избранное им направление глубокой мысли и нравственных, идеалов поможет ему обрести свою театральную индивидуальность, творческое лицо.

М. ЭЙДЕЛЬМАН.

ФОРМИРУЯ ЛИЦО ТЕАТРА...

ственный выход на авансцену, весь патетический облик ее героини придает спектаклю монументальность.

Совсем в другом ключе играет И. Туйметов. Он доводит своего прозорливого короля до предельного опрошения. И в этом есть свой секрет: этот иронический персонаж не диссоциирует с героическим планом Кольцовой, а контрастно оттеняет его значение. Один — скептически улыбается, а другой — делает историю.

Однако вполне естественно, что более глубокие пьесы определили и более глубокие спектакли, а главное — наиболее цельные. В спектаклях «Старик», «Дом Бернарды Альбы», «Каса-маре», «Королевский брадобрей» ставились важные проблемы, создавались крупные образы и интересные сюжеты. Они не иллюстрировали заранее взятую схему, а пробуждали в зрителе тягу к самостоятельному осмыслению сложных явлений жизни.

В этой связи нам представляется наиболее значительной постановка «Старика». В историческом аспекте здесь содержится критика христианской ханжеской проповеди страдания, как цели жизни. Но сегодня эти вопросы уже не могут нас волновать, и режиссер Р. Нагорничных прочитывает пьесу глазами нашего современника. Проблематика спектакля — это столкновение двух начал: созидания и разрушения. Поэтому так привлекает Мастаков у актера В. Иванова, ведь он строитель, создатель, хотя в исторической плоскости он всего лишь предприниматель типа Морозова, Мамонтова или прогрессивных купцов

своих четырех дочерей на безбрачие. Стало быть, мотивы где-то сходные. Суть в той же изуверской функции умерщвления плоти, радости жизни. Эта мрачная история об «арестованной» любви и угрозе гуманизму режиссерски изобретательно выражена в спектакле Л. Елшапкиным.

Постановка этой пьесы важна и с чисто просветительской стороны, т. е. знакомит нас с произведением замечательного испанского поэта Гарсиа Лорки.

Далее театр совершает экскурс в некое древнее государство. И хотя оно отделено от нас пятью веками и там уже орудуют не старички-каторжники, не испанские матроны, а короли и феодалы, снова слышится что-то знакомое в насквозь философском «Королевском брадобрее». Силен старик-разрушитель, у Бернарды — железная воля, и все они гибнут бессмысленно. Но и судьба могущественного властелина Крюэля такова же. Его желанье на собственной дочери, как вызов людям, и все его дальнейшее глумление над обществом в итоге приводят его к бессмысленной гибели. Так перекликаются в непохожих как будто бы спектаклях концепции борьбы человеческого разума с тьмой, фашизмом, самовластьем, изуверским умерщвлением жизни.

Нельзя сказать, что театру удалось в «Королевском брадобрее» раскрыть всю его драму идей. Но дорог уже сам почин в серьезном репертуарном направлении, в сценическом возрождении трудной, забытой пьесы Луначарского. Но дело не только в почине.

театр нравственных и гуманистических проблемах.

В этом спектакле есть интересные образы. Р. Челищев изобразил Пиелаки в развитии. Красочна Элеопора Г. Зайцевой. Безыскусственно, своеобразно, в теплых тонах нарисован дед Ион у В. Плешунова.

Рамки статьи не позволяют сказать о многих других вопросах, о других ролях. Хотелось бы, однако, коснуться наиболее примечательного. В этом сезоне были очень заметны последние работы А. Штыновой, Б. Соломонова, И. Маришиной. Первые два актера неожиданно проявили новые, как бы противоположные грани своего творчества. Мы знали Штынову в любовных романтических ролях, теперь мы вдруг увидели ее в «Бернарде», ее дегенеративную Ангустинас. При намеренно шаржированной трактовке она удивительно правдива. И именно в этом ценность исполнения. Такое же сочетание утрирования и достоверности в ее девочке из «Старика». В этой мертвенной фигуре, застывшем лице — как будто окаменевший грех, ходячее тайное преступление. Вроде бы такое очень условно, а в итоге — типично.

Мы знали Соломонова в комическом плане. Теперь оказалось, что в таких «серьезных» ролях, как коварный старец Потанов («Тяжкое обвинение») или обаятельный морем славный паша Гунар («Чрезвычайный посол») актер несет большое психологическое содержание.

Есть необходимость остановиться